

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д. Г. Когатько

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

Статья посвящена проблемам современной российской идентичности. Автор рассматривает феномен российской сопринадлежности с культурно-цивилизационной точки зрения. Постсоветская социальная реальность требует новых подходов к проблеме сопринадлежности. Необходимость определить место российской цивилизации в мировом сообществе связана с рядом фундаментальных вызовов современной эпохи. В статье представлен обзор элементов идентичности и их роли в современном самоопределении россиян. Проблема сопринадлежности рассмотрена в контексте процессов глобализации, указаны возможности восстановления российского цивилизационного пространства как зоны престижа.

Ключевые слова: российская идентичность, сопринадлежность, этнос, цивилизационный подход

Российская цивилизация в XXI в. оказалась перед рядом фундаментальных вызовов, связанных и с определением ее места в мировом сообществе, и с защитой собственного своеобразия.

Важнейшую роль в изменении содержания и типа российской сопринадлежности сыграли, как известно, три периода социальной истории России: самодержавный имперский, советский и постсоветский. Каждый из них ознаменовался формированием представлений о российской идентичности и ее элементах. Один из наиболее интересных периодов российского цивилизационного развития — постсоветский — принципиально по-новому ставит проблему российской сопринадлежности.

Постсоветская Россия как суверенное государство закономерно ориентировано на обладание собственной идентичностью. С этим связаны как интерес к проблемам материального и символического конструирования новой российской сопринадлежности, так и потребность осмысления концепций идентичности в исторической ретроспективе.

Отечественная традиция исследования российской идентичности представлена, в первую очередь, концепциями западничества, славянофильства и евразийства. В центре внимания представителей русской мысли, занимавшихся проблемами национального самосознания, всегда был поиск культурного и цивилизационного самоопределения России и ее народа, а также выявление главного вектора ее ориентации в дихотомии «Запад-Восток».

Периодизация развития национальной мысли в России, предложенная известным отечественным историком П. Н. Милюковым, такова. Первый пе-

риод включает бытовой или этнографический национализм и европеизм (рубеж XVII — первая половина XVIII в.). Вторым периодом представлен доминирующим положением европеизма политического типа (с 1770 до 1825 г.). Религиозно-философский национализм («славянофильство») и европеизм радикального типа («западничество», не дифференцированное от социализма) представляют третий период в становлении отечественной рефлексии российской идентичности (1825—1850 гг.). В рамках четвертого периода доминирует социальный национализм (народничество) и европеизм (1850—1870 гг.). И, наконец, пятый период — это господство научного национализма (неославянофильство) и эволюционного либерализма (западничество = европеизм) — с конца XIX в. [1].

В настоящее время также существует ряд подходов к пониманию российской идентичности, и нельзя сказать, что какой-либо из них доминирует или же определяет социальную и политическую практики ее конструирования. Налицо традиционный раскол — идейный и культурный.

Согласно одним концепциям Россия позиционируется как недоразвитая с технологической, цивилизационной точки зрения страна (агенты — правящий политический класс страны), утверждается идея ее тотальной (технологической, правовой, культурной, интеллектуальной) периферийности (агенты — российские атлантисты). Согласно другим — провозглашается российская культурно — цивилизационная самобытность, которую невозможно оценивать с точки зрения критериев развитый/отсталый. Идентичность россиян понимается как основанная на особой системе ценнос-

тей, до конца не выявленной, но интуитивно акцентированной в трудах славянофилов. Патриоты-националисты выступают за четкие границы российской идентификации в пределах русского этноса; патриоты-интернационалисты (советские) — за реставрацию социально-экономических реалий советской эпохи, против капитализма, который, по их мнению, размывает российскую самобытность через культивирование индивидуализма, антисолидаризма, социального неравенства и национализма. Современные российские евразийцы обосновывают идентичность России в широком смысле — поликультурном, полиэтническом, религиозном, расовом, ставя задачу превратить русскую самобытность в универсальную модель культуры как одной из альтернатив глобальному атлантизму.

В настоящее время исследователи существенно расширяют научные представления о различных культурно-цивилизационных аспектах отечественной сопринадлежности, однако, тем не менее, в отечественной науке проблемы российской идентичности на базе концептуальных достижений социологии цивилизаций разработаны недостаточно.

Цивилизационный анализ идентичности целесообразно осуществлять на основе выделения ее доминирующих элементов — этнических, расовых, культурных и политических, рассмотренных в определенном пространственно-временном континууме. Данный подход, предложенный и реализованный применительно к американской идентичности С. Хантингтоном [2], с некоторыми поправками и с учетом социально-исторического и природного контекста может быть использован и в исследовании российской идентичности. Дополнительно имеет смысл выделить и социальную составляющую последней, не забывая при этом, что каждый из названных выше элементов обладает определенной социальной природой и функциями (исключения/включения).

Рассмотрим этническую составляющую российской идентичности. Как и американская идентичность, ее российский аналог с этнической точки зрения формировался исторически, расширялся пространственно на полисубстратной основе. Российский суперэтнос активно инкорпорировал различные этнические образования, приобретая со временем глубоко полиэтнический характер. Однако в России становление нации-государства и трансформация нации этнической в нацию гражданскую в полной мере не реализовались. Обычно феномен нации-государства приходит на смену

имперской общности. В России этого не произошло ни в период самодержавия, ни в советское время. Ныне уже ясно, что подобный переход не является абсолютно обязательным. Возможны различные вариации [3].

В отличие от Америки XVIII—XIX в. для России в аналогичный период и этничность, и раса, и страна происхождения не выполняли идентификационных функций. В отечественной традиции «русскость» отождествлялась или с народностью (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский и др.), или с православием (Г. В. Флоровский, П. Н. Милюков и др.), или с «всечеловечностью» (В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский, славянофилы), или же включала всех, кто участвует в русской культуре (П. Б. Струве). Таким образом, можно говорить о том, что ключевым элементом, составляющим базис российской идентичности, выступал его культурный, духовный компонент. Культура определяла идентичность.

В рамках анализа культурной составляющей отечественной идентичности исследовательская традиция первостепенное значение придает русской церкви и религии (православию). Славянофилы доказывали положительную и прогрессивную роль церкви и религии в становлении русского национального характера, культуры и развитии страны. Западники, наоборот, приписывали им отрицательную роль в вековом отставании России. По мнению П. Н. Милюкова, оба взгляда преувеличивают значение православия для российской цивилизации. Первоначально Русь восприняла внешнюю форму религиозности, обряд, а не ее внутреннюю сущность и дух; не христианскую этику и практики [4]. Даже религиозная обрядность в народной среде не всегда соблюдалась.

В силу подобных религиозных практик православие, официально позиционируемое как господствующая конфессия, составляющая духовную основу российского самодержавия, не могло выступать в качестве тормоза прогресса российской цивилизации (на чем настаивали западники). Однако все же религия в дореволюционной России играла важную социальную роль. Социальная инкорпорация подданных в российскую империю осуществлялась в том числе и на основе принципа православия. Причем последний имел большее значение, чем этническое и расовое происхождение. «Принадлежность к православию идентифицировалась уже с принадлежностью к державности» [5].

Эпоха модерна шаг за шагом реализовала проект «изъятия» из национальной идентичности ее

религиозных элементов, ориентируя сограждан на построение светского, безрелигиозного типа общества и цивилизации, разъединив институты государства и церкви, определив последней исключительно сферу частного, частного пространства.

В элементной структуре российской идентичности имеет важное значение и привязанность к месту происхождения/проживания, хотя ее атрибуция в различные периоды социальной истории представлена неравномерно. Привязанность к определенной территории может быть рассмотрена в юридическом, символическом и психологическом аспектах. В первом случае речь идет об институциональном закреплении индивидуальной и коллективной принадлежности к той или иной территории, земле, социальному сословию, классу, группе. Рабство, крепостничество и разрешительные процедуры передвижения по стране — три наиболее характерные формы «приписанности» к территории как к локальному месту. Капитализм легитимирует и институционализирует свободу передвижения и выбора места жительства. В России данная социально-историческая роль капитализма реализовывалась значительно позднее, чем на Западе, и рудименты доиндустриального общества с его ограничениями мобильности физико-географического типа до сих пор имеют место в стране и носят социально-дискриминационный характер.

Постсоветские преобразования в России совпали с процессами активного развертывания глобализации, становления рыночного хозяйства нового типа, деидеологизацией, распространением сетевых структур. В конечном итоге это сформировало общее социальное пространство, в котором, как известно, его сектора функционируют и развиваются в различных регионах. Наиболее активным игроком в данном пространстве выступает экономика. Материальный продукт, создаваемый в экономическом секторе, если он является конкурентоспособным, носит транснациональный характер. Переход к сетевой организации бизнеса оказал существенное влияние на источники конструирования идентичности. Вертикально-иерархические корни формирования последней в основном остаются исключительно в доиндустриальных и индустриальных пространствах общества. Вертикаль по-прежнему доминирует в политике, и институт государства продолжает выполнять традиционный объем обязанностей и выступает ключевым игроком в конструировании социального пространства и российской идентичности.

Следует указать на асимметрию в трансформации российского пространства в культурно-цивилизационном отношении. Пионером, локомотивом и символом вестернизации, «европейской витриной страны» (Б. Кагарлицкий) выступает Москва, в короткие сроки превратившаяся в глобальный город. Однако в ситуации расколота культуры Москва одновременно воплощает и противоположную тенденцию, находясь в авангарде поисков самобытности, исконно русской православной идентичности. Вместе с тем можно встретить и иные трактовки происходящих перемен: «В то время как Москва вестернизировалась, Санкт-Петербург, первоначальное «окно в Европу», стал в какой-то степени защитником русского традиционализма» [6].

Особенность российской идентичности — это несовпадение четырех ее основных элементов: этнического, расового, культурного и политического. Так, например, политическая составляющая идентичности сопрягается, как правило, с определенной территорией (тождественной стране, государству), институтами гражданства, правилами включения (исключения), принуждением. Важна и традиция интерпретации понятия политической нации (в гражданском или же в этнокультурном смысле). Культурная идентичность — в большей степени результат выбора в отличие от политической (государственной) сопринадлежности. Хотя в строгом смысле и данная разновидность идентичности может быть навязана, в том числе и «сверху».

Культурное самоопределение — более широкое образование, экстерриториальное, имеющее относительно вольный, а не принудительный характер. Следует, например, обратить внимание на тот факт, что современное пространство русского языка выходит далеко за рамки политико-административного пространства (территории) и людей, считающих себя русскими в РФ [7]. В рассматриваемом смысле национал-патриотическая интерпретация российской идентичности — это определенно шаг назад в интеллектуальном и практическом конструировании сопринадлежности. Сужая понимание «русскости», деконструируя его культурное значение и границы, национал-патриоты размывают традиционные основания российской цивилизации, которая на протяжении длительного исторического периода функционировала как зона престижа и в определенной степени продолжает данную традицию, хотя в ее культурной составляющей и происходят фундаментальные изменения.

Интернационалистский проект по существу представляет собой зарождение светского фунда-

ментализма (консерватизма) как реакции на основные результаты социальных трансформаций в постсоветской России, на партикуляризм (социальный, культурный, политический), на процессы глобализации, сформировавшие «двухклассовое» пространство российского общества, в котором верхний правящий класс дрейфует в направлении одностороннего космополитизма и корпоративизма, а другие классы и слои — национально ориентированы. Сильная сторона интернационализма состоит в объеме и структуре его социальной обращенности. Духовно интернационализм совпал с традиционно трактуемой вселенской миссией русского народа и его культуры — принести свободу и новую правду другим. Интернационализм во многом обуславливал социальную и идейную привлекательность российской цивилизации периода советского модерна. С другой стороны, чрезмерная идеологизация и негативные социальные практики (дискриминация и геноцид народов по национальному признаку) поставили под сомнение ресурсы и перспективы данного принципа в качестве потенциальной составляющей новой российской идентичности. Вместе с тем интернационалистский проект российской идентичности связан с надеждами на реставрацию большого социокультурного и геополитического пространства. Он подпитывается сложившимися социальными практиками, усложняющими социальную мобильность и социальные контакты на уровне повседневной жизни.

Имперский тип российской идентичности, существовавший в России в двух исторических разновидностях — самодержавной и советской, в настоящее время вряд ли имеет реальные социальные, культурные и политические основания. Идентичность-ожидание реставрации империи в современной России представляет собой скорее некую мифологическую конструкцию, находящуюся в очевидном противоречии с современными трендами конструирования самодостаточных локальных идентичностей, привязанных к определенной территории. Хотя нужно признать, что существенные негативные изменения внешнеполитической конъюнктуры вкупе с внутренними проблемами теоретически способны привести к логике совместного выживания и, как следствие, — к новой мобилизации имперского типа.

Среди разнородных концепций, бытующих в современной науке, можно встретить и рассуждение о российской идентичности в рамках парадигмы кризиса. По мнению А. А. Кара-Мурзы, пост-

советская реальность — это поиски новых оснований самоопределения, в процессе которого осуществляется подмена понятий, продлевающая ситуацию кризиса. Главное — это подмена культурно-цивилизационных основ России ее геополитическими приоритетами и особенностями. На самом же деле у России истинно европейские цивилизационные корни и функции. Особенность российской идентичности — ее дуальный характер. С цивилизационной точки зрения, Россия, на взгляд А. А. Кара-Мурзы, должна вернуть себе европейский статус и культуртрегерские функции на Востоке [8].

Идентификационный кризис ключевых элементов российской сопринадлежности констатирует И. Б. Чубайс [9]. Суть кризиса заключается в том, что традиционные составляющие идентичности перестали выполнять свои социальные функции: объединять, интегрировать, воспроизводить границы и дистанции, выступать центром ориентации для большинства русского народа. Все три фундаментальных начала российской идентичности — православие, пространственное расширение (собрание земель) и общинный коллективизм — оказались в значительной степени деконструированы. Их место занято тотальной секуляризацией, индивидуализмом без солидарности и социального партнерства, а также «местечковыми» представлениями о пространстве неимперского типа. Безграничная атеизация, секуляризация и господство мира профанического порождают моральный релятивизм и ценностный дрейф в неопределенность и безответственность («Бога нет — все дозволено!»). Свобода заменяется волей, которая не предполагает идентификацию с гражданской ответственностью.

Закономерно в российском обществе после пятнадцати лет реформ опять в центре дискуссий оказались ключевые вопросы, связанные с основными социальными результатами и последствиями постсоветской модернизации. Огромные ожидания от эффекта индивидуализации и капитализации социальной и духовной жизни сменяются скепсисом по отношению к инструментам и самому проекту конструирования российской идентичности в его постсоветской форме. Считаем, что в немалой степени достичь консенсуса по проблеме признания единой сопринадлежности большинства граждан страны к одной нации, обществу, государству, Родине не позволяют представления о несправедливом распределении материальных благ, богатства и ресурсов в России.

Смягчить классовые конфликты и поляризацию в обществе вполне возможно — реализовав проект социального партнерства. Выход из идентификационного кризиса, как полагает И. Б. Чубайс, возможен в рамках возрождения и формирования системы ценностей, спланировавших россиян и страну. Центральной идеей для новой России может стать идея обустройства, качественного, интенсивного роста [10].

Используя терминологию С. Хантингтона, Россию можно назвать «разорванной страной». *Разорванная страна* имеет господствующую культуру, «которая соотносит ее с одной цивилизацией, но ее лидеры стремятся к другой цивилизации. Они как бы говорят: «Мы один народ, и все вместе принадлежим к одному месту, но мы хотим это место изменить». Люди из разорванных стран соглашаются с тем, кто они, но не соглашаются с тем, какую цивилизацию считать своей». Идентификационный дуализм — важнейшая характеристика таких стран.

Преодолеть ситуацию разорванности, как считает С. Хантингтон, возможно посредством переопределения собственной цивилизационной идентичности. Чтобы этот процесс оказался успешным, необходимо соблюсти три условия: «Во-первых, политическая и экономическая элита страны должна с энтузиазмом воспринимать и поддерживать данное стремление. Во-вторых, общество должно, по крайней мере, молча соглашаться с переопределением идентичности (или стремиться к этому). В-третьих, преобладающие элементы в принимающей цивилизации (в большинстве случаев это Запад) должны хотя бы желать принять новообращенного... На данный момент этот процесс нигде не увенчался успехом» [11].

Действительно, в России процесс переопределения идентичности с точки зрения исторического времени продолжается до сих пор и его окончательные результаты неясны. С точки зрения социального времени (смена поколений, государственной и информационной политики) об определенных изменениях (как текущих событиях) можно говорить более конкретно. По крайней мере, первые два пункта С. Хантингтона могут иметь место в процессе конструирования новой российской идентичности.

Парадоксально, но существует незримый водораздел между мнениями интеллектуалов по основным вопросам российской идентичности и массовыми представлениями россиян, которые выявляются в результате социологических опросов. В то

время как ученые размышляют об идентификационном кризисе в современной России, страна продолжает существовать, развиваться, а ее граждане выстраивают свои социальные и культурные стратегии, подтверждая свою национальную идентичность. Последняя имеет свою специфику.

Традиционно считается, что граждане России «в большей степени, чем население любой другой страны, подчеркивают свою принадлежность к своему государству. Половина жителей идентифицирует себя со своей страной в целом, а это в 1,5—2 раза выше, чем тот же показатель в других государствах» [12]. Например, в Западной Европе доминируют локальная и региональная самоидентификация, а не общенациональная [13].

В противовес данной статистической точке зрения на приоритеты российской идентичности формулируется иное представление о сущности постсоветских изменений: «Самоидентификация в кругу близких (у россиян — Д.К.) на порядок выше идентификаций с большими социальными общностями». В России совершился резкий переход от идентичности «прежде всего мы — советские люди, это звучит гордо» к самоопределению «мы — это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела» [14].

На наш взгляд, деэтикетская концепция идентичности обладает научными перспективами. Прежде всего, наличествует достаточно обширная и достоверная эмпирическая база социологических исследований, подтверждающих подобные представления. Во-вторых, не меньшее значение имеет акцептация реального уровня (ней) самоидентификации, сопряженного с контекстом социального времени современной России. Иначе говоря, в постсоветской России индивиды для реализации своих интересов и потребностей выбирают стратегии, ориентированные на первичные и неформальные группы (близкие родственники, друзья, приятели, земляки и т.п.). Именно такие группы — один из основных ресурсов в решении личностных проблем современных россиян.

Многолетние мониторинговые исследования М. К. Портнова (РНИСиНЛ), проводимые в России с начала 90-х годов, показали, что в нашем обществе в настоящее время «сосуществуют две различные модели ценностных систем. Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностного сознания, а другая, связанная с носителями традиционалистской российской ментальности, исходит из патриархально-коллективистской модели ценностей... Приверженцы

индивидуалистической системы ценностей составляют примерно 30 процентов населения. Носителей традиционалистской модели ценностного сознания — 35—40 процентов» [15]. Приоритеты массового сознания современных россиян не совпадают со многими ортодоксальными и некоторыми модернизированными представлениями интеллектуалов и государственных деятелей страны об их идентификационных ценностях. Граждан России часто не вдохновляют ни самодержавие, ни православие (религиозность), ни народность. В социологических опросах устойчиво доминирует иной выбор: «закон», «порядок», «справедливость», «права человека» — ключевые понятия, с которыми россияне связывают возрождение России [16].

Каким образом современная российская идентичность связана с процессом глобализации? Очевидно, что глобализация — явление неоднозначное. Различны, а зачастую даже противоположны, и оценки этого явления. «Для кого-то «глобализация» — это то, что нам необходимо для счастья, для других — причина всех несчастий» [17].

Глобализации, как правило, противопоставляют светский и религиозный охранительный фундаментализм, ориентирующийся на семейные и национальные ценности (правый консерватизм), или антикапиталистические, антиимпериалистические идеи равенства и справедливости (левый дискурс). Критики-скептики утверждают, что так называемый единый мировой рынок — детище глобализации — это миф, а провозглашаемая открытость его фактически выгодна лишь ограниченному числу участников (США, Канаде, ЕЭС, Восточной Азии), у которых национальный суверенитет — реальная сила. У прочих стран, не допущенных к участию в мировом разделении труда на равноправной основе, — или отсутствуют национальный суверенитет и идентичность, или же они носят ограниченный характер. Принципиальное значение имеет практика сопротивления глобализации на государственном и общественном уровнях в форме реконструкции, возрождения национальных, местных культур, идентичности и самосознания. Реальной альтернативой глобализации провозглашаются идеи изоляционизма и позитивная программа демократической интеграции посредством создания новых форм интернационализма.

«Глобализация является причиной возрождения местной культурной идентичности во многих регионах мира» [18]. Модерн пытался деконструировать локальное как традиционное, приравнивая его

к отжившему, к пережиткам, которые следует безусловно преодолеть. Если модерн конструирует национальное в противовес локально-традиционному, то глобализация пытается деконструировать национальное, одновременно возрождая косвенным образом локальное. Эти процессы происходят на постиндустриальном этапе цивилизационного развития повсеместно. Постсоветское российское общество не стало исключением. Интерес к культуре локального проявился на всем российском цивилизационном пространстве — в этническом, религиозном, социальном его измерениях. Подобная переориентация в немалой степени произошла в результате деконструкции советской макроидентичности и в силу затянувшегося процесса становления новой российской идентичности.

В настоящее время глобализация стала внутренним социальным фактом российской истории, и Россия шаг за шагом вовлекается в данный мировой процесс [19].

Глобализация сегодня является внутренним фактом и развитых, и развивающихся стран и обществ. Но каждое конкретное внутреннее пространство (экономическое, культурное, политическое) втягивается в мировой процесс по-разному. Здесь можно встретить как благополучные, адаптировавшиеся к изменениям сектора, так и депрессивные подпространства, аутсайдеров, находящихся в стороне от глобальных потоков. К таковым относятся даже не различные страны и города. Аутсайдерами могут оказаться, например, отдельные сектора, районы, социальные группы. Физически они могут находиться в одном городе, рядом с глобальными потоками, но не иметь к ним прямого отношения. «Постиндустриальная модель развития, лежащая в основе глобализации, является моделью интенсивного развития, она практически не нуждается во втягивании в экономический оборот новых территорий. Поэтому даже в развитой Европе регионы отдельных стран остаются депрессивными, безо всяких надежд на развитие. <...> Это и есть маргинализация нового типа — региональная и социальная» [20]. Значительная часть российского пространства оказалась вне зоны деловой и культурной активности. Это, в частности, связано с тем, что российская реальность оказалась в условиях доминанции старой советской производственной и социальной структуры, которая соответствует эпохе индустриализма и не вписывается в реалии информационного общества.

Одно из возможных социальных отношений в рассматриваемых случаях — потребительское. Для

России это относительно новое явление. Советское общество по сути своей не было обществом потребителей — и по идеологическим, и по социально-экономическим, и по культурным причинам. Сопринадлежность к категории потребителей (на материальном и символическом уровнях) возникла лишь в постсоветский период. Хотя следует признать факт неравномерного потребления благ в различных социальных слоях российского общества. На сегодняшний день мы имеем значительный разброс возможностей в этой области — от демонстративного потребления (стремление к роскоши порой пытаются объявить национальной идеей) до потребления на уровне удовлетворения лишь первичных потребностей.

Наряду с дифференциацией внутри потребительского сектора, глобализация стратифицирует виды деятельности, работы и услуги, одни из которых оказываются включены в пространство потоков, другие же получают роль аутсайдеров, поскольку не востребованы глобальной экономикой и сетевой структурой. В данном смысле «линия фронта» по интеграции в основные потоки зависит от оптимальной стратегии инкорпорации. И в этом смысле важны те функции, которые выполняются в рамках конкретной территории в глобальном разделении (и переделе) труда. Здесь вовлеченные пространства — это анклав, точечные образования, вписывающиеся своей функцией, своим продуктом в мейнстрим мирового процесса.

Глобализация существенно трансформирует и социальные институты. Можно говорить об институциональном кризисе, когда ключевые институты в их прежней форме и с прежним набором функций уже не в состоянии отвечать на новые вызовы современности. Противоречие заключено внутри того или иного института, а не между ними. Проиллюстрировать данный парадокс можно на примере института государства. «В эпоху глобализации государства попадают в особого рода западню — «западню национального»: проводя жесткий курс на отстаивание своего суверенитета, они все активнее соперничают в борьбе за инвестиционные ресурсы, что превращает узы, связывающие государство и нацию, в препятствие на пути политических инноваций, преодолевающих национальные рамки». Национальное государство как продукт эпохи модернизации в период глобализации вынуждено соблюдать правила, не им определенные; участвовать в борьбе за наилучшие места в международном разделении; создавать режимы открытости и доступности своего национального про-

странства для экономического и культурного капитала иностранного происхождения.

В конечном итоге все это сводится к тому, что государство уже не главный игрок на «рынке» идентичности. Дать сопринадлежность, подтвердить ее, отобразить, осуществить иные (ранее рутинные) манипуляции с идентичностью институт национального государства в его классическом смысле уже не в состоянии. Развивается модель минималистского государства, открытого для глобальной экономики и функционально ориентированного на реализацию новых мировых правил и стандартов на своей национальной территории [22]. Однако это отнюдь не приводит к полному ослаблению власти государства национального типа. Можно говорить о том, что последняя слаба по отношению к экономическому полю и рынку и сильна по отношению к политическому и социальному полям (госгранице, погранслужбе, терроризму, к модернизации институтов надзора и подавления). Государство обязано обеспечить воспроизводство разрыва между мобильностью капитала и мобильностью рабочей силы. Возникает проблема: капитал приобретает транснациональный характер, а рабочая сила имеет локальный характер. Хотя и в последнем случае ситуация не столь однозначна, так как миграционные процессы (особенно в развитых странах) существенно меняют картину рынка труда, в силу чего возникают социальные движения, требующие от национального государства режима протекционизма и ограничений для иностранной рабочей силы.

«Одним из политических ответов на вызовы глобализации, — полагает У. Бек, — может быть «космополитическое государство», основывающееся на индифферентности существования национальных идентичностей согласно закрепленному в конституции принципу толерантности» [23]. Подобный тип государства невозможен без формирования соответствующего образа мышления, наднациональной идентичности, культуры и институтов. «Быть космополитичным в таком случае означает одновременно признавать как равенство так и различия, и ощущать себя приверженным благу всего человечества...» [24].

Космополитическая идентичность существовала и в период общества модерна, например, в больших городах. Однако тогда отсутствовала та связь, технология, пространство и отдельные социальные слои, которые позволили бы ей преодолеть локальные «ворота» и стать мировым феноменом. Одной из таковых является, например,

формирование сетевых структур, « сетевого » общества информационного киберпространства, которые функционируют одновременно и территориально, и транснационально. При этом глобальное, для того чтобы проникнуть на те или иные национальные рынки, должно принять локальную форму, оболочку, использующую местную культурную традицию. Можно определенно говорить о том, что глобальная культура стремится стать составной частью локальной культуры, внедряясь в ее образные ряды, стили, практики, представления, воспоминания, запахи, цвета и иные опривыченные ощущения. Современный капитализм, чтобы действовать глобально, вынужден принимать локально разнообразные и противоречивые стратегии. Таков закон рынка и конкурентной борьбы [25]. Поэтому возникает общий вопрос: ведет ли глобализация к смене идентичности (национальной, социальной, культурной)? Давать определенный, однозначный и окончательный ответ на данный вопрос применительно к России, как нам представляется, еще достаточно рано.

В период постсоветского подъема России расширение ее социокультурных ценностей вовне приобретает устойчивый характер. В данном случае стратегически перспективно использовать возможности глобализации и текущего момента для культурной экспансии России и возрождения ее цивилизационного пространства как зоны престижа. Тем более, что социологи стали отмечать появление такого феномена, как альтернативные глобализации, — глобальные культурные движения, которые возникают вне западного пространства и оказывают на него существенное влияние [26].

Современная экономическая ситуация в России является, на наш взгляд, крайне благоприятной для существенных инвестиций в культурную сферу внутри и особенно за пределами территории страны. Переизбыток экономических ресурсов потенциально способствует возможностям стратегического вложения в проект возрождения российской цивилизации как зоны престижа, но уже на новой постиндустриальной и неоконсервативной основе.

Для российской идентичности в период глобализации открываются новые перспективы, поскольку российская культура по ряду параметров достаточно адаптирована к современным глобальным вызовам. Отечественные культура, сознание, принадлежность в течение ряда столетий носили вселенский, наднациональный характер. Именно транслокальный, транснациональный имперский, если угодно, вектор определял суть данной тради-

ции, в которой духовно-нравственное начало имело приоритет. Россияне привыкли к большим пространствам, к поликультурной и полиэтнической мозаике.

Необходим, наверное, коллективный поиск « прорывных » проектов и технологий, отвечающих современным задачам, которые стоят перед Россией в XXI столетии. Представляется перспективной аналитическая схема П. Бергера [27], который предлагает обратить внимание на роль и динамику четырех сил современной культурной глобализации — деловой элиты, клубной культуры интеллектуалов (*faculty club culture*), массовой культуры и массовых общественных движений. Работает ли рассматриваемая схема применительно к российскому пространству и какова специфика ее использования? Реально можно говорить о том, что все четыре силы культурной глобализации присутствуют в российском пространстве, но степень, характер их влияния, а также последствия их деятельности существенно различаются.

Если попытаться ранжировать основные движущие силы по степени их влияния в российском обществе, то « пальму первенства » следует, на наш взгляд, отдать массовой культуре. Это наиболее доступное и широко распространенное образование. Далее следуют клубная культура интеллектуалов, деловая элита и массовые общественные движения. Последние находятся лишь в зачаточном состоянии.

Существуют ли риски для российской идентичности постсоветского типа и в постсоветский период? О некоторых из них можно говорить достаточно определенно. В первую очередь, это риски эндогенного характера. Мало кто обращает внимание на тот факт, что после распада СССР изменилась этнодемографическая структура России. Впервые за свою многовековую историю русские (т.е. те, кто идентифицирует себя таковыми) оказались в абсолютном большинстве. Сам по себе подобный статистический факт, наверное, не имеет существенного значения, если только он не будет использоваться идеологически и в практической политике для легитимации идеи « Россия — для русских! ». Однако риск подобного конструирования реально существует, и возникает соблазн « скатиться » в лоно моноэтнической парадигмы вместо формирования и поддержки проекта мультикультурализма. Этничность, ранее находившаяся на периферии социального пространства, постепенно стала трансформироваться в базовый элемент конструирования новой идентичности. В ряде

внутренних территорий самой России подобное имело место.

Подводя итоги, попробуем определить, каково же представление россиян о месте своей страны в современном глобальном мире? Действительно, где мы находимся или же должны находиться? Основываясь на результатах одного из наиболее репрезентативных исследований по проблемам российской идентичности [28], можно определенно утверждать следующее. В культурном отношении основной «центр тяжести» российской идентичности явно смещен в западном направлении» [29]. Самоопределение с точки зрения национального характера также в пользу Запада и Европы. Лишь экономическая самоидентификация имеет «восточные» характеристики [30]. Однако российское самосознание не растворяет себя в западно-европейском культурно-цивилизационном пространстве. Россия мыслится как особое и достаточно самостоятельное цивилизационное образование. Если на первом этапе трансформационных процессов безоговорочную победу одержал проект западной либерально ориентированной идентичности, который предполагал осуществление серии разрывов с советской и российской самобытной идентичностями, то конец 90-х — начало 2000-х гг. ознаменовались сменой курса. Запрос на возрождение, разворот в сторону российской сопринадлежности, но уже в другой доминанте — в консервативно-охранительной, самобытно-цивилизированной парадигме, из периферийного стал перемещаться в центральное пространство. Это не умоуверительная конструкция или благое пожелание. Экономический подъем в России в начале XXI в. укрепил представление правящего класса, интеллектуалов и «низов» о реальных возможностях собственного развития, в том числе в деле решения традиционно российской задачи — проблемы отставания. Экономические успехи влияют на самочувствие и национальное сознание россиян. Последнее становится более рациональным, меркантильным, хотя по-прежнему и расколотым. «В качестве ведущих парадигм массового общественно-запроса сформировалась триада — благосостояние, порядок, социальная справедливость. Эта триада занимает ведущие позиции во всех электро-ральных группах» [31]. По сути дела мы имеем симбиоз модернистских (благосостояние, порядок) и традиционалистских (социальная справедливость) ценностей, определяющих современную цивилизационную идентичность — ориентацию современных россиян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миллюков П.Н. Русская культурная традиция // Русская идея: В двух томах. Т. 2. — М.: 1994. — С. 50—51.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига, 2004. — С. 73.
3. Хантингтон С. Кто мы?.. С. 72.
4. Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч.1. — М.: Издат. группа «Прогресс-культура», 1994. С. 23, 24.
5. Ипатов А.Н. Этнообразующая функция религии в формировании русского народа // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедия. С. 527.
6. Биллингтон Дж. Россия в поисках себя / Пер. с англ. — М.: РОССПЕН, 2006. — С. 126.
7. Таковых согласно итогам Всероссийской переписи населения 2002 года насчитывается 115 млн 889 тыс. 107 человек.
8. Кара-Мурза.
9. Чубайс И.Б. Как преодолеть идентификационный кризис // Мир России. 2002. № 2. — С. 3—27.
10. Там же. С.27.
11. Хантингтон С. Указ. соч. С. 210.
12. Рукавишников В.О., Лук Халман, Питер Эстер. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. — М.: 2000. — С. 282.
13. Там же. С. 284.
14. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии.
15. Гориков М.К. Российский социум на рубеже столетий // Свободная мысль — XXI. 2000. № 12. С. 4—8.
16. Россия: центр и регионы. Вып. 4 — М.: 1999. — С. 247—248.
17. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. — С. 9.
18. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. — М.: «Весь мир», 2004. — С. 30.
19. Ведущие российские социологи (Г. С. Батыгин, И. В. Бестужев-Лада, З. Т. Голенкова, А. Б. Гофман, Л. М. Дробижева, Л. Г. Ионин, Н. Е. Покровский, А. Ф. Филипов, В. А. Ядов, О. Н. Яницкий и др.) достаточно определенно утверждают, что современная Россия — составная часть глобального мира и процессов глобализации. См.: Глобализация и постсоветское общество. — М.: Изд-во ООО «Стони», 2001. — С. 160—223.
20. Дахин В. Глобализация: социальные и политические последствия // Свободная мысль — XXI. 2002. № 12. С. 9—10.
21. Бек У. Трансформация политика и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль — XXI. 2004, № 7. С. 3.

22. Там же.
  23. Там же. С. 8.
  24. Там же. С. 9.
  25. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. — М.: Прогресс-традиция, 2001. — С. 87—88.
  26. Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Пер. с англ. — М.: Аспект Пресс, 2004. — С. 19.
  27. Там же. С. 12.
  28. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. С. 20.
  29. Там же.
  30. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. — М.: Наука, 2005.
  31. Там же. С. 142.
- БИБЛИОГРАФИЯ**
1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и сетевая организация пространства России // Мир России. Т. IX. 2000. № 1
  2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2004.
  3. Бек У. Трансформация политика и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль — XXI. 2004, № 7.
  4. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. — М.: Прогресс-традиция, 2001.
  5. Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Пер. с англ. — М.: Аспект Пресс, 2004.
  6. Биллингтон Дж. Россия в поисках себя / Пер. с англ. — М.: РОССПЕН, 2006.
  7. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. — М.: «Весь мир», 2004.
  8. Глобализация и постсоветское общество. — М.: Изд-во ООО «Стови», 2001.
  9. Гориков М.К. Российский социум на рубеже столетий // Свободная мысль — XXI. 2000.
  10. Дахин В. Глобализация: социальные и политические последствия // Свободная мысль — XXI. 2002. № 12.
  11. Ипатов А.Н. Этнообразующая функция религии в формировании русского народа // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь.
  12. Левяш И.Я. Культурология: Курс лекция. 2-е изд, испр. — Мн.: НТООО «ТетраСистем», 1999.
  13. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. — М.: Издат. группа «Прогресс-культура», 1994.
  14. Милюков П.Н. Русская культурная традиция // Русская идея: В двух томах. — М.: 1994.
  15. Россия: центр и регионы. Вып. 4 — М.: 1999.
  16. Россия: центр и регионы. Вып. 4 — М.: 1999.
  17. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. — М.: Наука, 2005.
  18. Рукавишников В.О., Лук Халман, Питер Эстер. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. — М.: 2000.
  19. Тавадов Г.Т. Этнология. М.: Проект, 2004.
  20. Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в постсоветской России. Сб. статей. — СПб.: «Геликон Плюс», 2003.
  21. Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление // Свободная мысль — XXI. 2000. № 11.
  22. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.
  23. Чубайс И.Б. Как преодолеть идентификационный кризис // Мир России. 2002. № 2.
  24. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии.